

БОРЬБА МЕЖДУ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОППОЗИЦИЕЙ И ПРАВИТЕЛЬСТВОМ ВИЗАНТИИ В 395—399 гг.

Во второй половине IV в. господствующий класс Византии искал выход из социально-экономических и политических трудностей, отражавших кризис позднеабсолютизмского общества. В этих условиях особенно значимыми становились не только факторы классовой борьбы, но и нюансы конфронтаций между отдельными группами господствующего класса. В последнее время в литературе отмечается важность изучения подобной проблематики¹. Однако содержание протеста знати в конкретные периоды ранневизантийской истории практически не исследовано.

Данная статья является попыткой рассмотреть социальное содержание борьбы между оппозиционной знатью и правительством в 395—399 гг. (от смерти Феодосия I и раздела империи до падения правительства Евтропия)².

В правление Феодосия I (379—395 гг.) была предпринята попытка преодолеть кризисные явления укреплением деспотического режима (развитие авторитаризма и бюрократии, упрочение позиций военщины и союза церкви с государством). Угроза социальных движений и готская опасность содействовали сплочению господствующего класса и уменьшению в нем оппозиции, которая была рыхлой и слабо организованной. Определенная организация оппозиции имелась в куриях, но критика правительства не переросла здесь в откровенное отрицание автократии (Либаний)³. В церковных неправославных приходах организация протеста лишь начинала складываться. Аккламации горожан уже теряли свое значение, а «цирковые партии» еще не сформировались⁴. Направления оппозиции в целом определялись: а) протестом против насилий властей (чиновников, сборщиков налогов и т. д.); б) борьбой против «тирании» («перегибов» автократии); в) протестом «языческой оппозиции» против навязывания сверху христианской идеологии и союза церкви с государством.

Со смертью Феодосия и разделом империи между его сыновьями в социально-политической жизни государства произошли крупные изменения. Многочисленные реалии, формально подчеркивающие единство державы⁵, не могли, однако, элиминировать тот факт, что специфика общественного развития Запада и Востока после 395 г. проявилась бо-

лее четко. Соответственно этому более четкое оформление получили и оппозиционные группы. Недовольство обращалось против группы господствующего класса, стоявшей у власти в *Константинополе*. Оппозиционность правительству Запада перешла в область внешней политики. Это ярко проявилось в последовавшей за смертью Феодосия конфронтации правителей Запада и Востока по поводу завещания императора⁶ и из-за владения префектурой Иллирик⁷.

Во главе правительства Византии фактически встал Руфин, кельт по происхождению. Император Аркадий правил только номинально, за что получил осуждение некоторых современников (Енар., р. 252; Zosim., V, 1). Вставшая у власти группировка наследовала от правительства Феодосия ряд сложных проблем. Значительное место среди них занимала и оппозиция.

С именем Руфина при Феодосии была связана активная административная деятельность. Уже в 382 г. он обладал большим влиянием⁸ и титулом квестора священных палат. В 388 г. Руфин стал магистром официй, в 389 г. сопровождал Феодосия при поездке в Рим⁹, а в 392 г. получил пост префекта претория. На имя Руфина был адресован ряд важных указов¹⁰, что делало кельта ответственным за претворение их в жизнь. Из этих указов более показательными для характеристики политического лица Руфина представляются те, которые касаются оппозиционных настроений. Так, в 392—393 гг. правительство адресовало Руфину указы, определявшие ряд принудительных мер в отношении куриалов. Например, указ от 22 ноября 392 г. лишал куриала, сделавшегося сенатором или поступившего на императорскую службу, нового статуса и возвращал в прежнее состояние (Cod. Theod., XII, I. 129). В 393 г. на имя Руфина вышло четыре указа, трактующих некоторые аспекты проблемы удержания куриалов в их статусе. Закон от 12 апреля обязывает префекта к принуждению куриалов выполнять муниципальные повинности, несмотря на привилегии их административного положения на местах (Cod. Theod., XII, I. 134). Видимо, оговорки этого указа (куриалы, если не защищены привилегиями императорской службы, патронатом или возрастом, должны нести повинности лиц, чьи имения присвоили) отражали процесс неуклонного слияния городской верхушки с чиновной знатью. Аналогична оговорка в законе от 4 июля: куриал не получал временного освобождения от обязанностей, если не было санкции центральных властей (Cod. Theod., XII, I. 135). Указ от 23 июля запрещал привлекать к повинностям лиц, защищенных «справедливыми привилегиями» (Cod. Theod., XII, I. 136). Однако в указе от 9 августа речи о подобных привилегиях нет; обязанных куриальными повинностями следовало снимать с императорской службы и изымать из персонала всех ведомств (Cod. Theod., XII, I. 137). Очевидно, правительство пыталось «методом проб и ошибок» создать на местах нужную для фиска обстановку за счет определенных слоев горожан. Послабления касались, скорее всего, верхушки куриалов, вставшей в привилегированные административные звенья. Обязанность Руфина проводить подобные указы в жизнь не могла не вызвать вражды известных городских групп.

С другой стороны, после смерти Феодосия на имя Руфина не изда-
но ни одного закона, прямо ущемлявшего куриалов! Еще в 393 г. он
совершил поездку в Антиохию, где приказал засечь до смерти комита
Востока Лукиана (по официальной версии, за оскорбление Лукианом
Евхерия, родственника императора)¹¹. Характерно, что этот Лукиан,
будучи *consularis Siriae*, характеризуется Либанием (представителем
куриальной верхушки) как человек законопослушный, но жесто-
кий (*Liban., Or., LVI, 62*), ставший объектом нападков антиохий-
ского посольства в столице (*Or., LVI, 14*). У Либания есть специальная
речь против Лукиана и речь против Флоренция, консуляра Сирии, ве-
роятно, брата Лукиана¹². В том же 393 г. Либаний написал Руфину
письмо, где назвал его «врачевателем городов» (*Liban., Ep., 1106.3*),
восхищался его благодеяниями в отношении антиохийцев (*Ep., 1106.2*)
и выражал надежду, что Руфин придет вновь и он, Либаний, снова
сможет насладиться беседой с ним, а антиохийцы — получить новые
блага. В письме к Аристенету Либаний называл Руфина «товарищем
Дики» (*Ep., 1110*), а письмо Брасиду (*Ep., 1111*) — вообще риториче-
ский панегирик Руфину. Оба письма относятся к 393 г. и явно навеяны
впечатлением от визита префекта в Антиохию¹³. Видимо, восторжен-
ные эпитеты Либания в адрес Руфина — не просто дань приспособлен-
чества и лести. Очевидно, своими действиями Руфин старался завоевать
расположение верхушки крупных городов.

Отношение «средних» городских слоев к Руфину и возглавляемому
им правительству было иным. По Зосиму, антиохийцы были недоволь-
ны противозаконной казнью Лукиана. «Умиротворяя народ», Руфин
построил портик, великолепнее которого город не имел ни одного строе-
ния» (*Zosim., V, 2*). Известно, что ранее массы антиохийцев встречали
аккламациями упомянутого Лукиана, выражая недовольство префек-
том Тацианом и императором (*Liban., Or., LVI, 18*). Ненависть Либан-
ия к Лукиану и этим «крикунам» свидетельствует, что аккламации
были направлены и против куриалов, с которыми Руфин стремил-
ся наладить отношения. Но особенно ярко оппозиция части город-
ской знати правительству Руфина представлена в трудах Евнапия и
Зосима.

Евнапий обличает Руфина как грабителя, полагающего силу в бо-
гатстве и содержащего доносчиков, которые разыскивали богатые име-
ния и клеветали на имущих. Нарушались правовые нормы, «обижаю-
щий был судьей»; «все суды решали по воле Руфина» (*Eupar., p. 254.*
22—255. 3). Историк претит, что Руфин и Стилихон правили импера-
торами и, словно императоры, воевали друг с другом, прибегая в основ-
ном к тайным козням (*Eupar., p. 254. 11—16*). Их креатуры Евнапию
ненавидяты; это *homines novae*, незнатные в прошлом лавочники и
прислужники (*Eupar., p. 255. 4—10*). Гибель Руфина, по мнению Евна-
пия, совершилась по законам разума и справедливости (*Eupar., 256.*
8—12).

В неприглядном виде Руфин представлен и в «Новой истории» Зоси-
ма. Будучи адвокатом, несомненно связанным с юридической практи-
кой, и в то же время — оппозиционером¹⁴, Зосим приходил в ужас перед

беззаконием Руфина. В судах царил диктат временщика, приговоры выносились в зависимости от взяток или родственных связей (Zosim, V, I. 1). С Лукианом, отмечает Зосим, Руфин расправился без какого-либо обвинения (Zosim, V, 2, 3). Задумав погубить префекта претория Тациана, Руфин для вида назначил различных лиц для ведения процесса, хотя решающее слово имел он один (Zosim, IV, 52. 3). Особенно резко Зосим, как и Евнапий, критикует Руфина и Стилихона за произвол в отношении имущих граждан. «Когда всяческий вид подлости господствовал над городами, богатство со всех сторон попадало в дом Руфина и Стилихона, а бедность по каждой области распространялась в домах лиц, некогда бывших богатыми» (Zosim, V, I, 3).

Совершенно очевидно, что, протестуя против несправедливого судопроизводства и покушений на собственность граждан, Зосим и Евнапий отражали настроения не только городских кругов, связанных с отживающим полисным строем, но и аристократии, имевшей богатства и посты, но подвергавшейся атакам со стороны новой служилой знати. Последнее ярко проявляется в интригах Руфина против Промота и Тациана. Промота, опытного полководца, по рекомендации правителя отослали во Фракию в сопровождении отряда варваров. Те, получив указание Руфина, убили полководца, «мужа, сделавшегося лучше сокровища и всецело предавшего себя государству и императорам, но получившего достойную плату за образ мыслей...» (Zosim, IV, 51. 3). Чтобы погубить Прокла, сына Тациана, Руфин убедил несчастного отца вызвать его. Вернувшийся Прокл попал под суд и погиб (Zosim, IV, 52. 3—4). Зосим считал, что при Аркадии Руфин грезил уже об императорской власти. Первым шагом к этому Руфин полагал обручение с Аркадием своей дочери. Гордыня и хвастовство префекта дошли до того, что замыслы его стали ясны всем, и «к нему высказывалась общая ненависть» (Zosim, V, I. 4—5).

У Зосима содержится и рассказ о содействии, которое Руфин и его приспешники («правящие предатели») оказали полчищам Алариха, открыв тому доступ в Грецию (Zosim, V, 5—6). Историк считает, что Руфин сделал это, дабы создать Стилихону противовес на Востоке и удалить варваров от столицы (Zosim, V, 5. I. 4). Гибель Руфина радует Зосима: префект «понес кару, достойную дурно ведущих себя лиц» (Zosim, V, 8. I).

Ригоризм Зосима и Евнапия в отношении Руфина во многом перекликается с аналогичным ригоризмом Клавдия Клавдиана. Но вражда Клавдиана — иного рода. Оппозиционные мотивы римской и византийской знати он ставил на службу великодержавной политике Стилихона, своего покровителя. Поэтому оппозиция Клавдиана Руфину по своему социальному содержанию не может быть приравнена к оппозиции Евнапия и Зосима. Но, хотя Клавдиан отражал чаяния части аристократии и интеллигенции Запада, арсенал его критики гораздо богаче инвектив автора «Новой истории»¹⁵.

Оппозиционные взгляды современников в отношении правительства Руфина сохранила историческая традиция. В частности, намерение префекта женить Аркадия на своей дочери оценивалось как его притя-

зание на трон не только Зосимом и Клавдианом, но и другими историками и публицистами¹⁶. Насколько справедливо это инкриминирование — для нас не суть важно. Интересно другое: точки соприкосновения в критике правительства Руфина представителей «языческой оппозиции» и церковных историков.

Позиция Руфина в отношении церкви не совсем ясна. Столичная церковная верхушка характеризует его как благочестивого христианина¹⁷. Известно, что в своем имении у Халкидона он основал обитель, куда доставил реликвии Петра и Павла¹⁸ и пригласил египетских монахов¹⁹. После смерти Руфина монахи покинули эту обитель²⁰. Мы полагаем, что подобные факты говорят о попытке Руфина создать себе опору в одной из группировок монашества.

Церковные историки в целом не имеют «антируфиновского пыла», присущего «языческой оппозиции». Главное в критике Руфина у Сократа, Созомена и Филосторгия — осуждение стремления временщика взять императорский пурпур, учредить «тиранию». Честолюбие Руфина — причина его гибели: префект, злоумышлявший против сыновей Феодосия, был «легко низложен» (Созомен, с. 544). Более резких характеристик церковные авторы Руфину не дают. У Филосторгия описание внешности Руфина даже служит оттенением негативной наружности Аркадия (Филост., с. 409). Замечания церковных историков о возможном сговоре Руфина с варварами кратки (Созомен, с. 530; Ogos., VII, 37). Такая относительно «слабая» оппозиционность Руфину скорее всего была вызвана его стремлением не задевать интересы церкви. Однако то, что оппозиция, хоть и слабая, но была, можно объяснить давлением на церковные фракции тех групп, которых политика Руфина не устраивала. С другой стороны, церковь не могла одобрять заигрывания правительства с варварами.

Оппозиция, видимо, была и в чиновно-административной среде²¹. По мнению Иоанна Лида, Руфин приобрел чрезмерную власть, чем «поверг державу в пропасть». Префект получил контроль над вооруженными силами, «фабриками» оружия и над зрелищами²². Очень негативно сказалась «тирания» Руфина и на законодательстве²³. Здесь взгляды Лида, администратора до мозга костей, сходны с позицией Зосима.

Что касается знаменитой алчности Руфина, то ее критикуют, кроме Евнапия и Зосима, также представители иных групп господствующего класса²⁴. Алчность префекта была связана с перемещением собственности в пользу группы рабовладельцев, стоявшей у власти. Все другие группировки, таким образом, оказывались в оппозиции, апеллировавшей к «справедливости» и упорядочению судопроизводства.

Ненависть должна была вызвать и ярая антиеретическая политика Руфина. 13 марта 395 г. у евномиян отняли *jus testamenti* (Cod. Theod., XVI, 5. 25), которое незадолго до этого им возвратил Феодосий (Cod. Theod., XVI, 5. 23, 27). Указ 13 марта нетерпим к еретикам вообще: «Мы возобновляем Нашим указом все штрафы и все наказания, которые были установлены законами святой памяти Нашего отца, — против упрямого духа еретиков, и Мы объявляем недействительной любую привилегию, которая была предоставлена им по каким-либо специаль-

ным утверждениям...» Повторялось запрещение еретикам устраивать сходы и иметь епископов (Cod. Theod., XVI, 5. 28, 29). В законе от 7 августа 395 г., обращенном опять-таки к Руфину, угрозы в адрес язычников и еретиков сопровождалась угрозами провинциальным правителям за нерадивость в пресечении еретических «сборищ». Халатность чиновников при карательных акциях наказывалась штрафами и рассматривалась как пособничество еретикам (Cod. Theod., XVI, 10. 13).

Особым указом подтверждался закон «о пренебрежении языческими праздниками» (Cod. Theod., II, 8. 22).

Несмотря на непопулярность правительства Руфина, оно не было сметено ни местной городской знатью, ни оппозиционными группами столичных аристократов. Политика Руфина в целом отвечала интересам столичной аристократии и чиновной знати, связанной с авторитарной централизацией. Путем дворцового переворота устранить Руфина было трудно: он имел собственную дружину из гуннов²⁵. Свергли Руфина представители оппозиционных кругов армии.

О борьбе Руфина со Стилихоном за возвращение на Восток с Запада войск, уведенных туда для свержения узурпатора Евгения, написано немало²⁶. Для нас важно, что значительную часть контингентов, отправленных Стилихоном в Византию, составляли варвары. Во главе их стоял гот Гайна. Был ли Гайна в союзе со Стилихоном против Руфина — вопрос второстепенный²⁷. Важно другое — в описаниях убийства Руфина²⁸ (особенно у Клавдиана²⁹) подчеркивается роль не столько варваров, сколько войска в целом. По Клавдиану, ненависть к погибшему префекту выказал и хлынувший за ворота столичный плебс³⁰. Характерна форма надругательства над трупом: его голову, насадив на копье, носили по городу вместе с отрубленной рукой, взывая: «Подайте ненасытному!» В этом проявилась ненависть столичных жителей к финансовым методам Руфина. Ненависть верхушки ремесленных корпораций к Руфину подчеркивает тот факт, что голову Руфина носили «по всем мастерским» столицы (Филост., с. 409).

Таким образом, есть основания полагать, что в свержении правительства Руфина временно соединились интересы самых различных социальных групп — от народных масс до варварских контингентов.

Отношение варварских военных отрядов к правительству Руфина определялось не столько его политикой, сколько местом этих отрядов в социальной структуре Византии. Готы были враждебным византийцам наемным элементом, стремившимся существовать за счет паразитического потребления прибавочного продукта общества. Используя борьбу группировок господствующего класса империи, потребность правящих фракций в иноплеменных полицейских силах для подавления социальных движений, готская военно-племенная верхушка успешно инфильтрировалась на командные посты в политической организации Византии. Попытки правительства превратить готов в земледельцев терпели крах. Корпоративность варварских объединений, рост их притязаний и тенденция превратиться в своеобразное сословие делали готов опасной оппозицией³¹. Засилие готов в государственном аппарате рано или поздно должно было вызвать реакцию правящих групп. В част-

ности, правительство Руфина имело какие-то серьезные трения с варварской верхушкой. По Филосторгию, гибель Руфина была вызвана нашествиями префекта над войском (Филост., с. 409).

Мы считаем, что в данное время военно-варварская оппозиция только организовывалась. Этим объясняется, что именно ее элементы сыграли значительную роль в свержении Руфина и что власть все-таки перешла в руки группировки, интересы которой были далеки от интересов варваров. В то же время новое правительство несколько отличалось от правительства Руфина.

Фактическим главой правительства стал евнух Евтропий, еще в первой половине 90-х гг. интриговавший против Руфина и сорвавший план его — женить Аркадия на своей дочери (Zosim, V, 3). Уже при Руфине Евтропий считался самым могущественным из евнухов, бывших в услужении императора. После гибели префекта 27 ноября 395 г. Евтропий еще оставался *praepositus sacri cubiculi* (Zosim, V, 9. 2). Но вскоре кувикулярий приобрел титул патрикия, а затем — судебные прерогативы префекта претория Востока³². Административные и судебные полномочия Евтропия подтверждали его приоритет по сравнению с положением преемника Руфина на посту префекта претория Востока — Флавия Кесария (Филост., с. 410).

В дошедших до нас источниках положительных отзывов о правительстве Евтропия нет. Авторы проявляют лишь различную степень оппозиционности. По нетерпимости в своем отношении к Евтропию на первом месте стоят Евнапий и Зосим.

Евнапий, от труда которого Зосим, видимо, исходил при характеристике этого периода³³, даже противопоставляет Руфина и Евтропия, поскольку последний нанес империи гораздо больше вреда (Еупар., р. 256. 12—15). Характерно сравнение евнуха с чудовищным змеем, господствующим при дворе и обращающим все в свою пользу (Еупар., р. 256. 32—257. 2, 7—10). Евтропий бдительно следил за поведением окружающих, заставляя всех действовать согласно его образу мыслей (Еупар., р. 256. 23—27). Сириец Варг, возвеличенный им и возгордившийся, пал из-за его же козней. (Еупар., р. 257. 30—258. 18). Скорее всего к Евтропию относятся резкие высказывания Евнапия о том, что евнух погубил мужа, раб — консула, дворцовый служитель — воина, поскольку ниже историк говорит, видимо, об осуждении Абунданция (Еупар., р. 257. 20—25). Евнапий более нетерпим к Евтропию (по крайней мере, эмоционально), нежели Зосим.

Автор «Новой истории» считает евнухов-царедворцев особой категорией лиц, негативно влияющих на ход государственных дел (Zosim, I, 6.3; II, 55.2; IV, 22.4; V, 24.1—2; 37.4—6). Евтропий венчает галерею евнухов-интриганов. Приобретая вес после гибели Руфина, Евтропий, не брезгуя никакими средствами, добился осуждения видных лиц, в том числе Тимасия и Абунданция (Zosim, V, 9.2—3; 10.5). Дошло до того, что в Константинополе не стало людей, которые осмелились бы глянуть всесильному временщику в лицо (Zosim, V, 10.5). Евтропий добился выдвижения своих креатур (Zosim, V, 14.2), успешно восстанавливал Аркадия против Стилихона (Zosim, V, 11.1). Недаром

Гайна требовал выдачи евнуха, которого называл виновником всех бед (Zosim, V, 17.5). Описав гибель временщика, Зосим соглашается, что Евтропий — фигура необычная: судьба подняла его на высоту, на которую не был возведен ни один из евнухов (Zosim, V, 18.4).

В историографии уже отмечалось, что при Евтропии получила влияние богатая торгово-ремесленная и ростовщическая верхушка столицы³⁴. Следует добавить, что группа Евтропия пыталась расширить свою социальную базу за счет торгово-ростовщических элементов провинций. Отсюда — появление на сцене лиц типа презируемого Евнапием и Зосимом сирийца Варга, а также издание законов, выгодных торговцам-плутократам. Например, в 396—397 гг. вышли указы, защищавшие интересы верхушки иудейских общин. Указ от 28 февраля 396 г. запрещал лицам неиудейского вероисповедания «устанавливать цены вместо иудеев, когда они предлагают свои товары на продажу». Следить за выполнением этого правила должны были ректоры провинций (Cod. Theod., XVI, 8.10). Указ префекту претория Иллирика от 17 июля 397 г. подтверждал привилегии иудеев в том плане, что иудеи и их синагоги ограждены от нападений (Cod. Theod., XVI, 8.12). Указ от 1 июля 397 г. подтверждал привилегии, данные иудеям-духовникам предшествующими императорами. Иудейская духовная знать освобождалась от обременительных повинностей декурионов и была обязана повиноваться законам своей религии и общины (Cod. Theod., XVI, 8.13). Последнее положение было реакционным, поскольку санкционировало замкнутость иудейских общин, противопоставляя их прочим социальным группам. Однако подобные привилегии повышали конкурентоспособность иудейско-торгово-ростовщической знати, в ущерб другим прослойкам предпринимателей.

Мы предполагаем, что появление правительства Евтропия обуславливалось временно благоприятной ситуацией для торгово-ростовщической знати Константинополя и части провинциальных центров. Торгово-ростовщическая верхушка, экономически близкая к средним собственникам, усилилась в конце IV в. через включение в курии богатых плебеев³⁵. Часть торгово-ростовщической верхушки, вбиравшая в себя и «предпринимателей» — куриалов (в крупных городах)³⁶, становилась силой, признаваемой государством³⁷. В конечном счете эти социальные группы использовали временную стабилизацию, достигнутую при Феодосии I, и дискредитацию правительства чиновной аристократии столицы.

Согласно источникам, основным объектом критики оппозиционеров была сама личность Евтропия и его окружение. Конфискации³⁸, продажа должностей³⁹ и судебный произвол, обеспечивавшие Евтропию огромное богатство⁴⁰, делались ненавистны и для церковной верхушки⁴¹. Вмешательство Евтропия в церковные дела, очевидно, отражало стремления стоявшей у власти группы подчинить или включить в сферу своих интересов некоторые церковные группы и фракции. Например, содействие Евтропия избранию антиохийского пресвитера Иоанна архиепископом Константинополя — содействие, сопровождавшееся нажимом на Феофила Александрийского (Сократ, с. 451; Созомен,

с. 551), — вызывалось не только популярностью Иоанна (борца с арианством и «миротворца» в период антиохийского восстания 387 г.⁴²), но и ориентацией временщика на некоторые группы сирийской знати. Позднее Евтропий пытался отменить право церковного убежища и запретить освобождение от государственных повинностей тех священников, которые когда-то были связаны с ними (Cod. Theod., IX, 40.16; 45.3; XI, 30.57; XVI, 2.32—33). Это привело верхушку клира к резкой критике правительства⁴³.

Критиковалась и внешняя политика Евтропия. Клавдиан инкриминировал временщику использование в личных целях похода против гуннов, вторгшихся через Кавказ в Армению⁴⁴, хотя Евтропий как полководец справился со своей задачей. Возможно, подобная критика разделялась частью византийской знати.

Неприкрытая ориентация стоявшей у власти группы на торгово-ростовщические слои крупных городов и авторитарный произвол усиливали оппозиционность столичной аристократии. «Все лица, составляющие сенат, были недовольны бедственным состоянием дел» (Zosim, V, 13.1). По Иоанну Антиохийскому, Евтропий наказывал вельмож ссылкой, а сенаторам причинял всевозможные обиды⁴⁵.

Все же одной из самых опасных сил для правительства была военно-варварская оппозиция. К этому времени в Византии находилось три относительно автономных готских объединения: а) отряды Трибигильда, расквартированные в диоцезе Азия; б) наемники под руководством Гайны, находившиеся в столице; в) полчища Алариха, ограбившие Грецию и после ряда столкновений с местными жителями и армией Стилихона ушедшие в Эпир, а оттуда — в Иллирик; здесь Аларих был провозглашен полководцем Иллирика последовательно Византией и Западом, стремившимися использовать вестготов в своей взаимной борьбе⁴⁶. Объединение этих трех сил, несмотря на кажущуюся общность интересов, было проблематичным. Аларих не помог ни Гайне, ни Трибигильду во время событий 399—400 гг.⁴⁷ Гайна поддержал Трибигильда только при угрозе ликвидации готского мятежа в Азии⁴⁸. Видимо, здесь сказались военно-племенной корпоративизм, стремление отдельных фракций готской знати к приоритету. Однако борьба в среде византийской знати была на руку готам. Евтропий, возможно, хотел с помощью варваров укрепить свои позиции⁴⁹. Однако варварская верхушка видела в нем противника. По Зосиму, Гайна, не получая звания *magister militum* и «не способный насытить дарами варварскую алчность», мучился по поводу благ, притекающих в дом Евтропия (Zosim, V, 13.1).

Стремясь устроить оппозицию, правительство издало 4 сентября 397 г. на имя префекта претория Евтихиана указ о наказании лиц, составляющих заговор против императора, членов консистория и сената. Закон грозил смертной казнью и конфискацией имущества (Cod. Theod., IX, 14.3; с.: Cod. Just., IX, 8.5). То, что заговор мог быть составлен *cum militibus vel privatis, barbaris etiam*, показывает, что правительство прекрасно видело состав оппозиции.

В этом же плане мы рассматриваем проводимые правительством антиеретические мероприятия. Уступка была одна: в декабре 395 г. евномианам вернули *jus testamenti* (Cod. Theod., XVI, 5.27). Возможно, это было уступкой временного характера по отношению к части оппозиционно настроенной знати. Но уже в апреле 396 г. евномиан (особенно их духовенство) предписывалось выслеживать и отправлять в ссылку из муниципиев (Cod. Theod., XVI, 5.31—32). 1 апреля 397 г. вышел указ об удалении из Константинополя аполлинариан; дома, в которых они нашли бы убежище для своих сходов, передавались казне (Cod. Theod., XVI, 5.33). Крайне суров к евномианам и монтанистам был закон от 4 марта 398 г., из которого следует, что, несмотря на указы предыдущих лет, еретики оставались в городах и даже находили место для сходов в каких-то имениях. Закон грозил прокуратору такого имения вышшей мерой наказания, а хозяину имения — конфискацией. Хозяева городских домов, где еретики устраивали моления, могли потерять свое жилье, а сами еретики — имущество и даже жизнь (Cod. Theod., XVI, 5.34). Совершенно очевидно, что евномиан поддерживали известные группы городских собственников.

В правление Евтропия вышел также указ, подтверждающий лишение «отступников» *jus testamenti* (Cod. Theod., XVI, 7.6), и два закона против язычников, закон от 7 декабря 396 г. аннулировал любые привилегии, даваемые жрецам в древности (Cod. Theod., XVI, 10.14). Очевидно, прослойка служителей языческого культа еще апеллировала к подобным привилегиям. Закон 399 г. предусматривал разрушение «без беспокойства и шума» языческих храмов (Cod. Theod., XVI, 10.16). Возможно, правительство опасалось волнений язычников, если бы разрушение происходило в тех формах, как при Феодосии.

Обнародование законов против еретиков и язычников, не обойденное вниманием церковных историков (Филост., стр. 410), а также осуждение некоторых лиц из столичной и провинциальной знати⁵⁰ свидетельствуют о том, что правительство Евтропия, как и правительство Руфина, шло в политике репрессий в целом по пути Феодосия. Проведение последовательной централизации, соответствующее интересам верхушки позднеримских рабовладельцев, неизбежно было по политическому, имущественному положению групп господствующего класса, не допущенных к центральной власти. При Евтропии подобное «закручивание гаек» достигло, видимо, той стадии, когда распространение оппозиции «вширь и вглубь» должно было вызвать антиправительственное выступление наиболее организованных групп.

Таковыми группами оказались варварские наемные отряды, на правах федератов входившие в состав византийской армии. Весной 399 г. во Фригии восстали готы во главе с Трибигильдом. Поводом, очевидно, послужил отказ Евтропия выдать Трибигильду и его родне награду за участие в походе против гуннов⁵¹. Вначале силы Трибигильда были невелики, и правительство, не слишком беспокоясь, пыталось сговориться с главой мятежников путем даров и обещаний⁵². Но Трибигильд «за недолгое время собрал столь значительную массу рабов и иных отверженных людей, что привел в крайнюю опасность всю Азию» (Zosim., V,

13.4) ⁵³. Началось опустошение малоазийских областей, сопровождаемое разрушением городов и геноцидом ⁵⁴.

Ход мятежа уже подробно и неоднократно описывался в ряде исследований ⁵⁵. Поэтому отметим только те моменты в событиях, которые важны для нашей темы.

1. Цели восставшей группировки вначале были недостаточно ясны. Более четко выражены намерения Гайны, выступившего против правительства позднее и пришедшего к мысли о ниспровержении государственного устройства и установлении тирании ⁵⁶. Возможно, здесь сыграло роль то, что группировка Трибигильда по социальному облику несколько отличалась от войска Гайны, состоявшего в основном из кадровых воинов-федератов.

2. Разорения, чинимые мятежниками, вызвали отпор местных жителей ⁵⁷. Разграбление готами городов и сельской местности настраивало враждебно к военно-варварской оппозиции самые различные слои населения.

3. Когда руководство мятежа потребовало сместить Евтропия (Zosim, V, 17.2—5), оно объективно оказалось поддержанным частью собственных противников — Иоанном Златоустом, епископом столицы, и так называемой «антиготской партией» столичной знати, выступавшей против коррупции и произвола правительства Евтропия ⁵⁸.

4. Большой вклад в падение правительства Евтропия внесли находившиеся в Константинополе войска. По словам Иоанна Златоуста, когда Евтропий прибеж к церковному убежищу, собравшееся войско, потрясая копьями, требовало смерти евнуха ⁵⁹. Чтобы успокоить солдат, император обратился к ним с длинной речью ⁶⁰. Войско требовало низложения временщика за то, что он оскорбил императора. К сожалению, по источникам нельзя точно установить, кто стоял за спиной этого войска ⁶¹.

5. Крах правительства Евтропия несомненно был ускорен оппозиционным движением столичных жителей. Иоанн Златоуст, обращаясь к народу во время пребывания Евтропия в Софийском храме, заявлял, что только в пасху видел столько собравшихся: девы оставили свои покои, жены — комнаты, мужья — рынок. По Иоанну, церковь скрыла евнуха от ярости народа ⁶². В другой речи Иоанн патетически восклицал, что город был объят пламенем, диадема не имела силы, и все было в неистовстве ⁶³. Но сопоставление обеих речей не позволяет утверждать, что в тот момент имело место серьезное народное движение. «Объятый пламенем город» и «неистовство» — скорее всего, риторические гиперболы. Смысл первой речи «на Евтропия» как раз состоит в том, чтобы сдержать народное возмущение против временщика и призвать массы молить императора о милости к Евтропию. «Пусть никто не раздражается и не предается негодованию...», «исторгнем из опасности пленника!..» — говорит Иоанн Златоуст ⁶⁴. Во второй речи Иоанн ни словом не обмолвился о каком-либо ущербе, причиненном городу или каким-либо знатым лицам, что было бы неизбежно при массовом волнении ⁶⁵.

6. Определенное значение для падения Евтропия имело поведение императрицы Евдоксии⁶⁶.

7. Мятежникам благоприятствовал внешнеполитический фактор. Происшедшая в Персии смена правителей создала угрозу для империи⁶⁷. Аркадий, обратившись за помощью к равенскому двору⁶⁸, вынужден был прислушаться к требованию Стилихона удовлетворить ходатайство Гайны о смещении Евтропия.

Таким образом, восстание готы было лишь одной из причин падения правительства Евтропия. Развитие оппозиции, недовольство политической двора широких народных масс обусловили тот факт, что восстание явилось толчком, катализатором, ускорившим события. Готы объективно оказались в составе пестрой по социальному облику оппозиции.

Воинские части столицы, очевидно, были верны императору, так как впоследствии Гайне, осуществлявшему свои замыслы, пришлось удалять их из Константинополя (Zosim, V, 18.10). Мятежные подразделения находились в Азии и формально оставались приверженцами дома Феодосия. Группировка Евтропия была разгромлена основательно⁶⁹. Распоряжением от 17 августа 399 г. имущество Евтропия конфисковалось, а изображения его разрушались (Cod. Theod., IX, 40.17).

Свержение Евтропия было одним из показателей того, что стабилизация, достигнутая при Феодосии I, была неполной. Социально-экономическая и политическая конъюнктура оказалась неблагоприятной для верхушки торгово-ростовщической знати столицы и части крупных эмпориев. Столичная аристократия, пользовавшаяся поддержкой со стороны родовитой городской знати, куриалов, интеллигенции и церковной верхушки⁷⁰, опиралась на более устойчивые тенденции социального развития — еще не угасшую мощь муниципальной собственности, сближение куриальной верхушки со служилой землевладельческой знатью (сенаторами) и возрастание эксплуататорской роли Константинополя по отношению к провинциям. Однако пришедшее к власти правительство Аврелиана встретило оппозицию землевладельческой знати, слабо заинтересованной в судьбах позднеантичного города и верхушки варваров, — оппозицию, от результата борьбы с которой зависела судьба Византии.

Но это — тема специального исследования.

В целом мы можем сделать вывод, что даже в рассмотренном узком хронологическом отрезке можно уловить тенденцию «угасания» оппозиции куриалов (в силу разложения сословия и поглощения муниципальной собственности иными группами господствующего класса). Верхушка куриалов поддерживала столичную знать в лице правительства Руфина и проявила слабую активность при Евтропии. Оппозиция части столичной верхушки, заинтересованной в развитии эксплуатации провинций, возникла как ответ на уступки Евтропия торгово-ростовщической знати. Военно-варварская оппозиция только формировалась, но была перманентной и в конечном счете — враждебной тем и другим. Возрастание недовольства народных масс обусловило расширение возможностей апелляции к ним со стороны оппозиционной знати. Втягивание в борьбу широких городских слоев отражало обостре-

ние классовой борьбы и необходимость пересмотра ряда моментов социальной политики, внедренных Феодосием I и поддержанных Руфином и Евтропием. В дальнейшем борьба горожан шла за развитие этих уступок.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ср.: А. П. Каждан. Кризис и падение Римской империи. — ВДИ, 1966, № 1, с. 137; З. В. Удальцова. Проблемы типологии феодализма в Византии. — В сб.: ПСЭФ, с. 127—128.

² Подробное описание хода политической борьбы в данный период содержится в ряде работ буржуазных ученых, лишающих, однако, это явление его социального содержания. См.; А. *Guldenpenning*. Geschichte des oströmischen Reiches unter den Kaisern Arcadius und Theodosius II. Halle, 1885; E. *Demougeot*. De l'unité à la division de l'Empire romain, 395—400. P., 1951.

³ Ср.: Н. Н. Розенталь. Социально-политические воззрения языческой интеллигенции Поздней Римской империи. — В кн.: Сб. научных работ ист. ф-та Одесского ун-та, т. 2, 1947, с. 93 сл.; Г. Л. Курбатов. Раннесредневековый город (Антиохия в IV веке). Л., 1962, с. 143; В. Д. Геронова. Речи Либания как источник по истории кризиса Поздней Римской империи. — ВЗ ПГУ, № 117, 1964, с. 49—72; M. A. S. *Dill*. Roman Society in the last Century of the Western Roman Empire. L., 1898, p. 23.

⁴ Г. Л. Курбатов. К проблеме типологии городских движений в Византии. — В сб.: Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества, вып. 1. Л., 1974, с. 55.

⁵ O. *Seeck*. Geschichte des Untergangs der antiken Welt. Bd. V. B., 1913, S. 263

⁶ Формально борьба шла вокруг распоряжения Феодосия об опеке над его наследниками — сыновьями. Стилихон, фактический глава правительства Запада, утверждал, что Феодосий ему одному вручил судьбу Аркадия и Гонория. Руфин же отстаивал свой приоритет на Востоке. См. J. *Straub*. Parens principum. — «La nouvelle Klio», 4, 1952, p. 96 sq.

⁷ В. Т. Сиротенко. Борьба Западной Римской империи и Византии за префектуру Иллирик в 395—425 гг. и ее последствия. — В сб.: АДСВ, вып. 8. Свердловск, 1972, с. 73—88; E. *Demougeot*. De l'unité..., p. 143 sq.

⁸ Symmachus, Ep. III, 81, 89, 90. — PL, v. 18.

⁹ *Idem*, Ep. III, 84.

¹⁰ A. H. M. Jones, J. R. Martindale, J. Morris. The Prosopography of the Later Roman Empire, v. I. A. D. 260—395. Cambridge, 1971, p. 779.

¹¹ P. *Petit*. Libanius et la vie municipale à Antioche aux IVe siècle après J.-C. P., 1955, p. 171.

¹² Seeck. Lucianus. — RE, Bd. XIII_{ii}, Hbd. 26, Sp. 1614.

¹³ G. R. *Sievers*. Das Leben des Libanius. B., 1868, S. 201—202.

¹⁴ W. E. *Kaegi*. Byzantium and the Decline of Rom. Princeton, 1968, p. 99; E. *Condurachi*. Les idées politiques de Zosime. — «Revista clasica», XIII—XIV, 1941—1942, p. 115—127; F. *Paschoud*. Zosime. Histoire nouvelle. T. I (livres I et II). Texte établi et traduit. P., 1971, p. LXIII.

¹⁵ A. *Cameron*. Claudian. Poetry and Propaganda at the Court of Honorius. Oxford, 1970, p. 63 sq.

¹⁶ Сократ, с. 449; Созомен, с. 543; Филост., с. 409; Ioh. Lyd., De mag., II, 10; III, 7, 23, 40; Oros., VII, 37, 1; Ioann. Ant., fr. 190.

¹⁷ A. H. M. Jones, J. R. Martindale, J. Morris. The Prosopography..., p. 779.

¹⁸ Callinici de Vita S. Hipatii liber. Lipsiae, 1895, 66, 19.

¹⁹ J. *Pargoire*. Les debuts du monachisme a Constantinople. P., 1899, p. 65—69.

²⁰ Callinici de Vita S. Hipatii liber, 66. 21—24.

²¹ Cp.: G. R. *Sievers*. Studien zur Geschichte der römischen Kaiserzeit. B., 1870, S. 339.

- ²² Ioh. Lyd., *De mag.*, II, 10.
- ²³ *Ibid.*, III, 23.
- ²⁴ Claud., *In Ruf.*, I, v. 100, 183, 299; II, v. 134, 436, 498; Symmachus, *Ep.* VI, 14, 1; Hieron., *Ep.* 60, 16; Ioann. Ant., fr. 188.
- ²⁵ Claud., *In Ruf.*, II, v. 76.
- ²⁶ Из последних работ см.: В. Т. Сиротенко. *Борьба Западной Римской империи и Византии...*, с. 78—79.
- ²⁷ О факте сговора см.: Филост., с. 409; Claud., *In Ruf.*, II, v. 275, 403; Bell. Gild., v. 304; Zosim., V, 7.4; Ioann. Ant., fr. 190.
- ²⁸ Zosim., V, 7. 5; Ioann. Ant., fr. 190; Oros., VII, 37. 1; Hieron., *Ep.* 60, 16.
- ²⁹ Claud., *In Ruf.*, II, v. 366 sq.; *In Eutrop.*, II, v. 542; *DE cons. Stil.*, II, v. 212.
- ³⁰ Claud., *In Ruf.*, II, v. 427 sq.
- ³¹ См. подробно: А. С. Козлов. К вопросу о месте готов в социальной структуре Византии IV—V вв. — В сб.: АДСВ, вып. 9. Свердловск, 1973.
- ³² J. B. Bury. *History of the Later Roman Empire*, v. I. L., 1923, p. 116.
- ³³ F. Paschoud. Zosimos, 8. — RE, Suppl., Bd. 10 A, Sp. 822.
- ³⁴ История Византии, т. 1. М., 1971, с. 181.
- ³⁵ Г. Л. Курбатов. Основные проблемы внутреннего развития византийского города в IV—VII вв. (конец античного города в Византии). Л., 1971, с. 147.
- ³⁶ Н. В. Пигулевская. К вопросу об организации и формах торговли в ранней Византии. — ВВ, т. IV, 1951, с. 84.
- ³⁷ Негоциаторов ставили по социальному рангу сразу после крупных землевладельцев (Г. Л. Курбатов. Основные проблемы..., с. 147).
- ³⁸ Claud., *In Eutr.*, I, v. 168 sq.
- ³⁹ *Ibid.*, v. 190; Ioann. Ant., fr. 189.
- ⁴⁰ Как известно, конфискованное имущество Руфина пошло в пользу Евтропия (Cod. Theod., IX, 42. 14; Symmachus., *Ep.* VI, 14, 1; Zosim., V, 8. 2). По Клавдиану, разделом некоторых провинций Евтропий пользовался для передачи их в управление своим креатурам (Claud., *In Eutrop.*, II, v. 586).
- ⁴¹ Ioh. Chrys., *In Eutr.*, 1—3; *De capto Eutr.*, 3.
- ⁴² Г. Л. Курбатов. Классовая сущность учения Иоанна Златоуста. — «Ежегодник музея истории религии и атеизма», вып. 2. Л., 1958, с. 100.
- ⁴³ Ioh. Chrys., *In Eutr.*, 3.
- ⁴⁴ Claud., *In Eutr.*, I, v. 236, 286 sq.; II, v. 81, 157 sq.
- ⁴⁵ Ioann. Ant., fr. 189.
- ⁴⁶ Th. Hodgkin. *The Dynasty of Theodosius*. Oxford, 1889, p. 143 sq.
- ⁴⁷ А. Р. Корсунский. Вестготы и Римская империя в конце IV — начале V в. — «Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. История», 1965, № 3, с. 92.
- ⁴⁸ E. Demougeot. *De l'unité...*, p. 226 sq.
- ⁴⁹ «... он (Евтропий. — А. К.) не воздержался от союза с варварами, как бы сам надеясь перейти в достоинство императора» (Ioann. Ant., fr. 189).
- ⁵⁰ Claud., *In Eutrop.*, I, v. 169 sq.; Ioh. Chrys., *In psalmi*, XLVIII, 2; Hieron., *Ep.* 60, 16; Zosim., V, 9.5—10.5; Ioann. Ant., fr. 189; Aster., *Hom.*, IV.
- ⁵¹ Claud., *In Eutrop.*, II, v. 174—180.
- ⁵² *Ibid.*, v. 220 sq.; 304 sq.
- ⁵³ Известно, что Трибигильд, кроме подчиненных ему наемников, мог использовать готов, поселенных во Фригии еще Феодосием в качестве колоннов (E. Demougeot. *De l'unité...*, p. 233, n. 542). Характерно, что Синезий еще во второй половине 399 г. (М. В. Левченко. Предисловие к речи Синезия Киренского «О царстве». — ВВ, т. 6, 1953, с. 330) перед лицом двора акцентировал внимание на опасности со стороны рабов-варваров (Synes., *De regno*, 22).
- ⁵⁴ Сократ, с. 459; Филост., с. 413; Synes., *De prov.*, II, 16; Claud., *In Eutrop.*, II, v. 274 sq.; Zosim., V, 13. 3.
- ⁵⁵ Наиболее подробное изложение см.: E. Demougeot. *De l'unité...*, p. 224 sq.
- ⁵⁶ О «программе» Гайны см.: Zosim., V, 17. 4—5; Ioann. Ant., fr. 190. Источники говорят о «втягивании» Трибигильда в замыслы Гайны (Сократ, с. 458—459; Созомен, с. 553; Zosim., V, 13.2; 14.3) и о явно подчиненном положении Трибигильда по отношению к Гайне в ходе мятежа. В то же время мысль об антиправительственном за-

говоре, подготовленном варварскими вождями, видимо, высказывалась большинством современников *ex eventu*. Действия мятежников против городов Малой Азии были лишены плановости и напоминали скорее разбойничьи рейды, нежели организованное наступление на местные административные органы. Попадание войска Трибигильда в засаду у Сельги, где местные жители под руководством Валентина нанесли готам огромные потери, свидетельствует, что вожди варваров плохо учитывали социальную обстановку в регионах, подвергающихся нападению. Наконец, автор «Новой истории», основного источника о мятеже, пишет, что Трибигильд не выполнил приказа Гайны идти к Геллеспонту, испугавшись находившихся там правительственных войск, и предпочел продолжать грабежи (Zosim., V, 14. 4). Между тем Трибигильд знал, что Гайна идет ему навстречу. Подозрение византийцев, что Гайна с самого начала мятежа действовал заодно с Трибигильдом, возникло лишь после того, как Гайна оказал соплеменнику помощь после разгрома под Сельгой и открыто соединился с ним (W. Enßlin. Tribigildos. — RE, II Reihe, Hbd. 12, Sp. 2405). Это, на наш взгляд, дает основание предполагать, что между двумя главарями мятежников была плохо налажена координация действий, а взаимовыручка присутствовала только в наиболее критические моменты и совмещалась с элементарным неповиновением подчиненного начальнику. После известия, что войска гóтов разделились и Трибигильд подошел к Лампсаку, сведений о нем нет.

⁵⁷ В. Т. Сиротенко. Борьба Западной Римской империи и Византии... с. 82—83.

⁵⁸ Г. Л. Курбатов Классовая сущность..., с. 101.

⁵⁹ Ioh. Chrys., In Eutr., 3—4; De capto Eutr., 3.

⁶⁰ Idem. In Eutr., 4.

⁶¹ Возможно, это была группа императрицы Евдоксии. Императрицу в это время, скорее всего, поддерживало большинство столичной аристократии, поскольку после свержения Евтропия префект Кесарий, глава «готофильской партии», был быстро отнесен от кормила власти и, по Синезию, избежал ссылки лишь благодаря заступничеству своего брата Аврелиана (Synes., De prov., 1, 8). Кесарий в это время достаточной силы в столице не имел; отряды Гайны, на которые он ориентировался, находились в Азии.

⁶² Ioh. Chrys., In Eutr., 3.

⁶³ Idem. De capto Eutr., 3.

⁶⁴ Idem. In Eutr., 5.

⁶⁵ Ср. реакцию Златоуста на восстание 387 г. в Антиохии (Г. Л. Курбатов. Классовая сущность..., с. 90—91).

⁶⁶ По Филосторгию, Евтропий нанес Евдоксии какую-то обиду и пригрозил удалить ее из дворца (Филост., с. 412).

⁶⁷ E. Stein. Geschichte des spätrömischen Reiches. Bd. I. Vom byrömischen zum byzantinischen Staate (284—476 N. Chr.). Wien, 1928, S. 359—360.

⁶⁸ Claud., In Eutrop., II, v. 474 sq.

⁶⁹ Иоанн Златоуст говорит о массовом превращении друзей Евтропия в его врагов, о бегстве приверженцев евнуха, туенядцев и поклонников власти (Ioh. Chrys., In Eutr., 1; De capto Eutrop., 3, 4).

⁷⁰ Др. положительные характеристики правительства Аврелиана: Сократ, с. 459; Synes., De prov., I, 12, 15, 18; II, 4.